

Только гносис мог окрылить алхимию (точнее: трансмутировать технохимию *папирусов* в алхимию). Ибо химия и гносис, по верной мысли Берг-ло, сродни изначально: и та и другой пытаются *тайное знание*, сокрытое в природе ли, в слове ли. Знание, которым владеет алхимик-демиург. Далее все основные алхимические мифологемы обретут практически-заземленный вид. Начнется длительное выполнение алхимией ее культурно-исторической миссии в составе средневековой культуры.

Правда, составные части алхимии, будучи самостоятельными культурно-идеологическими явлениями, не знали о своем алхимическом будущем¹¹. На то они и составные части, которым еще только предстоит сложиться в новое целое. Верно также и то, что арифметическая сумма исходных никогда не совпадает с исторически суммарным итогом. Становление алхимии по-прежнему остается загадкой, как и подобает быть загадкой всякому началу.

Есть становление алхимии как результат преобразования составляющих, сплавленных в синкретически неразымное целое. Нет способа этого преобразования, ибо центральная алхимическая мифологема — пресуществленческое оборотничество — еще только ждет своего исторического часа¹². Оборотничество-пресуществление не существует, поскольку алхимии еще нет; но оно же и существует, поскольку алхимия уже есть. И есть, и нет — определение любого становления. Сумма исходных есть итог сложения по объему; но не есть его итог по историческим последствиям, ибо сложение здесь — лишь умозрительный прием, применяемый без учета исторического — в данном случае христианского — контекста, вне которого нет и не может быть искомой суммы, то есть самой алхимии. Из немифа миф не получить. Искать же алхимические аналогии в доалхимических мифологемах — дело малопочтенное и едва ли перспективное.

Стало быть, пройденный только что путь к основаниям алхимического мироздания убеждает нас в том, что ни одна из составных частей вне исторического контекста не может рассматриваться даже как контурный набросок алхимии. Эти части еще только станут таковыми, но лишь в христианском средневековом контексте, в виду которого только и может существовать алхимический миф. Но такая исходная установка позволила нам сознательно заглянуть в предалхимические потемки. Она же нам разрешит выйти в позднеалхимические, а также и в послеалхимические времена, которые, правда, в отличие от предалхимических, могут помнить — и помнят — о своем алхимическом прошлом.

Чем же стал алхимический миф (или каким он предстал) в эти послеалхимические времена?

¹¹ Конечно, такое знание им можно навязать. Но это будет насильем модернизатора. Ни *Аристотель*, ни *Платон*, ни металлоредец из Египта, ни какой-нибудь гностик — не алхимики и никогда не станут ими. Зато алхимик всегда пребывает каждым из них — вместе и порознь.

¹² Здесь следовало бы рассмотреть становление христианского мифа, в карикатурной оппозиции к которому формируется миф алхимический. Но это уже иная задача.